

ГЕЛИЙ
Рябов

ЛИТЕРНОЕ
ДЕЛО

"КЛЮЧ"

Миссия выполнима

Гелий Рябов

Литерное дело «Ключ»

«ВЕЧЕ»

1997–2001

Рябов Г. Т.

Литерное дело «Ключ» / Г. Т. Рябов — «ВЕЧЕ», 1997–
2001 — (Миссия выполнима)

ISBN 978-5-4484-7811-6

Роман «Литерное дело «Ключ» посвящен специальной операции советской разведки в 60-х годах по поиску и изъятию вклада семьи Романовых в одном из швейцарских банков.

ISBN 978-5-4484-7811-6

© Рябов Г. Т., 1997–2001

© ВЕЧЕ, 1997–2001

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

28

Гелий Трофимович Рябов

Литерное дело «Ключ»

© Рябов Г.Т., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Начальник внешней разведки¹ – лет шестидесяти, в очках, с круглым, по-бабьи измятым лицом (строгий костюм из жатки как бы дополнял внешний облик: недурно сидящий пиджак, застегнутый на три пуговицы, однако брюки... Референт стоял сзади и, подавляя готовую вот-вот выскочить усмешку, вглядывался в старческий мешочек на ледящем заду генерал-полковника) – замер по стойке «смирно» в ожидании приглашения сесть. Оно следовало всегда после приветствий, обсуждения погоды и недавней (она всегда бывала недавней) охоты. Тем не менее на этот раз Генеральный медлил, сосредоточенно вглядываясь в часы со штурвалом в центре безразмерного стола ценных древесных пород.

– Кхе-кхм, – деликатно кашлянул в кулачок генерал; человек за столом встрепенулся, поднял голову:

– Продолжайте, я внимательно слушаю.

– Я... должен зачитать, – значительно произнес начразведки, бросая вопросительный взгляд на референта. Это был молчаливый вопрос: а можно ли при нем?

И, словно угадав несказанное, Генеральный кивнул:

– При товарище... – Мучился, вспоминая фамилию, но не вспомнил и вяло махнул рукой. – Не тяните. У меня через час встреча, а потом процедуры.

Генерал раскрыл папку и сразу же поймал заинтересованный взгляд Генерального.

– Это... Это... («Черт бы взял этого референта... – вяло ползло в голове, – ему такие вещи не положено знать. Впрочем...») Это так называемое литературное дело, товарищ Генеральный секретарь. – У нас... Мы заводим такие дела по... определенному направлению нашей работы. Вот и в данном случае мы собрали в этой папке все, что нам известно о...

– Тоненькая... – перебил Генеральный. – А это значит, что вам известно не слишком много. Вы сказали «литерное»? Были литературные продовольственные карточки во время войны. У меня прекрасная память. Так что же?

– Вот сообщение нашего человека...

– Человека? – изумленно повторил Генеральный. – А кого же еще? Собаки, к примеру, не разговаривают.

Подавляя раздражение, начразведки вздохнул, длинно выпустил воздух и начал объяснять:

– «Человек» на нашем языке, сленге – это агент. Тот, кто в дальнейшем будет выполнять наши поручения. Он только что завербован, то есть дал согласие работать на нас.

– Продолжайте. Только проще, проще, мы все так засоряем наш могучий и еще какой-то там язык...

– Агент уведомил, что с десятого мая он получил назначение по непосредственному обслуживанию вклада Николая Романова в банке «Империял». – Поймал недоумевающий взгляд Генерального и с нажимом, как на уроке, сказал: – В Женеве, в Швейцарии.

– Я знаю, где расположен город Женева, – скрипуче произнес Генеральный. – И что? Этот ваш человек, он же – агент, отдаст вклад Николашки лично вам? А много ли денег?

---

¹ Первое Главное управление КГБ СССР, политическая разведка.

– Много. – Начразведки сглотнул вдруг подступившую слюну. Чертов маразматик... Ладно. – Речь идет о миллионах в твердой валюте.

– Вот. Теперь все понятно. И сколько же конкретно? Этой валюты?

– Двести миллионов американских долларов. – Начразведки спустил очки на нос. – Это огромные деньги, и они по праву...

– Принадлежат ограбленным царизмом рабочим и крестьянам нашей страны. Я это понимаю не хуже вас, товарищ... – Фамилия снова провалилась в небытие. – Вы меня поняли. Но – двести миллионов? Это же сумма! Доллар стоит целых шестьдесят шесть копеек. Итак?

– Итак... – Генерал замолчал, манера разговора сбивала, не давала сосредоточиться. – Итак, мне нужна ваша санкция на активную разработку.

– А зачем? – В глазах Генерального мерцало вполне детское любопытство. – Согласитесь: прошло столько лет... Денег наверняка нет. Наследники этого... Неважно... Они все проели и пропили. Он ведь был алкоголик?

– Выпивал... – согласился генерал. – Но, видимо, я был неточен...

– Или ваш этот агент, – перебил Генеральный. – А может, он врёт? Убедите меня. Вы ведь понимаете: ваша раздобыча... Или как? Она ведь приведет к международному скандалу, западные щелкоперишки, сионисты эти, вновь начнут трепать светлое имя товарища... Неважно. Вы понимаете? Нужны очень веские доводы, сильные обоснования, не так ли?

Пассаж прозвучал настолько разумно и доказательно, что начразведки вновь уронил очки на нос и мелко закивал:

– Так точно! Пикантность ситуации в том... («Ч-черт... При чем здесь эта дурацкая «пикантность»? Он меня заморочил...») что перепроверить сообщение невозможно, у нас нет других... источников в этом банке!

– Не-воз-мож-но! – торжествующе подхватил Генеральный. – А вы отнимаете у меня... это. Вот что: вы все же сначала обзаведитесь этими вещами, как их там? И перепроверьте. Иначе все очень и очень... Очень. Вы понимаете? Они там готовы ухватить нас не только за горло, это ладно, – за кончик, кончик, вот что скверно. Зачем же нарываться? Найдите эту вашу... воду, источники эти, и не дурите мне голову. На пороге грандиозные решения, а вы тут с какой-то... Черт знает с чем!

– Я понял. Но я обязан предупредить, проинформировать: задержка наших активных действий реально приведет к утрате огромных денег, о которых вы только что сказали главное: они принадлежат рабочим и крестьянам нашей необъятной страны! А если нынешние Романовы – ну, те, кому удалось избежать народного суда... Я глобально имею в виду, не районного, а именно народного, понимаете? Если они начнут рыть-копать и – не дай черт – докопаются? А у нас тогда – что? По усам текло, а в этот, как его? Не попало? – Начразведки заметно нервничал и с трудом с собою справлялся.

– Н-да... – протянул Генеральный. – Иногда вам удастся быть очень и очень. Как бы убедительным. Хорошо. Я вам разрешаю. Как это у вас там?

– Вы даете нам санкцию.

– Вот! – кивнул Генеральный. – И запомните: никаких международных... этих... вздрючек! Скандалов, вы поняли? Хватит трепать ваше... наше... Имя, одним словом! И еще. Я только что подумал: а почему этот ваш, как его? Источник, да? Почему он не может эти деньги тайком, так сказать... ну? Ради великого дела, ничего такого в этом нет? А?

В глазах начразведки метнулся ужас, Генеральный заметил:

– Вы боитесь пожертвовать собою ради нашей великой родины, я понял. Вы забыли о Зое, о Павлике и... кто еще там был? Вы разочаровали меня... Но вы не обижайтесь, товарищ... Ладно, я прямо скажу: в банке – охрана, как у вас, у нас, то есть в Кремле, и даже, ну... не лучше, но только немного похуже, так? Там ритуал, порядок, пароль, то-се, без выяснения всего этого фиг нам отдадут. И агент этот фиг что возьмет, потому что сначала надо узнать кодовое

слово и заиметь ключ от сейфа или в чем они там хранят свое награбленное, вот ведь как! А то – кранты на пустом месте, понимаете?.. – он задумался на мгновение и закончил: – Это слово из моего детства. Вы вспоминаете свое детство? Ладно. Вы иногда умеете убеждать. До свидания... э-э-э... Не подсказывайте, я помню, как вас зовут. Потому что забыть это дорогое для каждого из нас имя не может никто! Ступайте. И докладывайте. По мере возникновения. Вы поняли?

«Чайка» вылетела из-под башни словно пуля; начразведки успел заметить бодрые лица «своих», одетых в форму милиции, подумал вяло: «Гадкая форма. Нашим она не к лицу и не с руки. Но – конспирация... Святое слово. Граждане должны думать, что органы занимаются своим прямым делом: шпионы, диверсанты, политические разложеницы и вражеские подпевалы. А охрана Кремля... Это конечно же дело милиции. Это ей с руки...» Навалилась дремота, прикрепленный² на переднем сиденье взглянул с опаской: не дал бы дуба всесильный начальник – возраст все же. «Но ведь у нас... – размышлял между тем начразведки, – у нас – это у нас, этим сказано все! У нас ценят не возраст (хотя при чем здесь возраст? Вон, какой-то там немец писал стишки и женился в семьдесят пять на восемнадцатилетней...). Охранник заметил, как вдруг затуманились глаза «дедушки», странная улыбка поползла по старческим губам. «Дед» словно говорил: эх, было время... Прикрепленный был бы очень удивлен, если бы вдруг узнал, что «дед» будто подхватил его невнятные размышления. «Эх, было время... – ползло в уставшем мозгу, – было, и какое... Какие талии! И то, что ниже. И выше, разумеется. Времечко. Или «времячко»? Надо будет аккуратно спросить. Производное от «время» – и, значит, «я». Черт с ним...»

– Ваня, ты не сверкай бровями, – произнес раздраженно, – они у тебя завалященькие. Не то что... Неважно. Я, знаешь ли, не то что некоторые. Я и послезавтра буду живее всех живых! Долго еще?

– Подъезжаем, товарищ председатель.

Поморщился:

– Ваня, я не люблю этого слова, у нас не колхоз, обращайся согласно устава... (Или «уставу»? Надо спросить.)

Свернули направо, в лесной массив, в глубине угадывались белесые строения, а дорожные знаки предупреждали сурово: еще не поздно вернуться. Непосвященным, разумеется...

Щелкнула дверца, выбрался на асфальт, проходившие мимо офицеры в штатском замерли, прикрепленный тоже вытянулся, выпятив грудь.

– Вот что, полковник... – сказал вяло, – нас еще в школе учили: не забегать вперед; основное качество Владимира Ильича, если помнишь... «Председатель»... Забудь. До времени.

– Так точно. – Прикрепленный еще больше подобрался, напоминал теперь фонарный столб в костюме. – Это, кажется, в «Двух шагах вперед»? Не помню точно.

– Неважно... – махнул рукой. – Тебя могут неправильно понять, ясно? – И скрылся в личном подъезде. Здесь был личный лифт, охрана, собственный буфет с качественными продуктами и мордастыми официантками (никаких подозрений! Вот и товарищ Сталин окружал себя дамской обслугой самого затрапезного вида. Кто бы бросил камень в товарища Сталина...).

На совещание собрались ровно в четыре. Начальник управления «С»³ с некоторым удивлением разглядывал кривоногую официантку средних лет с плоским, словно стесанным лицом. То ли генерала шокировало ее присутствие (знал, впрочем, что женщина не покидает пределов резиденции начальника ПГУ, поэтому ей не ведомо, кто именно присутствует сейчас в

² Сотрудник личной охраны.

³ Управление «С» ПГУ – нелегальная разведка, нелегалы.

кабинете. Конспирация – стальной конек высокого руководства...), то ли выраженное уродство (всегда недоумевал, когда начальник, радостно улыбаясь, произносил вслед официантке, этой или любой другой: «Какие милые птички»). «Молибденовый мужик, – проносилось в голове. – Клинки бы делать из таких...»

Между тем женщина аккуратно наполнила незатейливые фарфоровые чашки крепчайшим, почти черного цвета, чаем, поставила вазочку с румяными сушками (они хрустели и рассыпались во рту невсамделишно вкусно, – вероятно, где-то в городе была пекарня, снабжавшая этими сушками ЦК КПСС, а заодно, может быть, даже по блату – и начальника) и, улыбнувшись, произнесла традиционно: «Кушайте, пожалуйста!» – после чего удалилась, вильнув плоским задом влево, а потом вправо. Проводив ее взглядом и подождав, пока мощная дверь не встанет на место – тяжело и убежденно, – начальник ПГУ жестом предложил сесть и сел сам.

Долго молчали, прихлебывая ароматный чай. Начразведки не сводил темных немигающих глаз с генерал-майора, который, уткнувшись в вазочку с сушками, делал вид, что ничего не замечает.

– Ознакомьтесь... – протянул сообщение бернской резидентуры. Пока генерал читал, что-то набрасывал в блокноте, изредка кидая все те же немигающие взгляды на собеседника. – Что скажете?

– По-моему, очевидно... – Генерал пожал покатыми плечами. – Занарядим Пятый отдел⁴, пусть работают. Это же азы дела...

– Вы так думаете? – холодно проговорил начальник ПГУ. – Не будем терять времени. – Поднял блокнот к глазам, сбросил очки на кончик носа и четко, будто метроном, начал произносить слова. Отсутствие ударений и акцентов, мертво-ровный голос сбивали, не позволяли сосредоточиться, генералу показалось вдруг, что кто-то читает над его отверстым гробом нечто вроде погребальной молитвы. Как звучит эта молитва, он не знал, но ассоциация возникла устрашающая...

– Вам понятно? – Очки снова оказались на переносице.

– Так точно... Только я хотел бы... уяснить: почему все-таки нельзя поручить это дело сотрудникам бернской легальной резидентуры? Они знают дело, страну, Женеву, наконец. Они справятся, я убежден! Главное – это их завербованный агент!

Убежденность собеседника не произвела впечатления.

– Вы все же не поняли... – Голос обрел интонацию. – Агент их, верно. Но я обязан предполагать, что швейцарская «каэр» тоже может кое-что знать. Итак: запретите товарищам любые контакты с агентом. Любые. Пока, конечно. И пусть тщательно проверят, в безопасности ли агент.

Начальник управления встал:

– Слушаюсь. Что требуется от нас сегодня?

– От вас? – протянул лениво, с полуулыбкой. Ох уж эти обобщающие «нас», «вас»... Как быстро прививается внешняя дурь и как медленно приходит опыт, самостоятельность. Да ведь и откуда взяться? Ему ли не знать, как дергают на каждом шагу, проверяют – по поводу и без оного, глаз не сводят, копят досье и компроматы, строчат доносы – что уж тут... Может ли решить задачу человек, если двадцать четыре часа в сутки он только о том и думает, чтобы не сказать лишнего, не проговориться, не обидеть и не дать понять, что обиделся, не нажить врагов и не стать врагом. Не Родины, разумеется (хотя и такое бывало), – товарищей по оружию, вот в чем дело... Но этого не сказал (правило-то – железное). – Все очень просто: есть кто-нибудь в Швейцарии? Нелегалы, я имею в виду.

---

⁴ Пятый отдел ПГУ работал по Франции, Швейцарии, Италии, Югославии.

– Так точно! Два работника. Один – третий год, второй – пятый. Фирмач и осветитель театра – в Берне. Есть еще и третий...

– А где теперь капитан Абашидзе? – перебил нетерпеливо. – Помнится мне, когда направили меня на работу в Систему, – из партийных органов, вы знаете... У нас многие кривят нижнюю губу, это мне известно, но я горжусь! Понимаете?

– Так точно!

– Да... Так вот, один из первых подписанных мною приказов – капитана Абашидзе, Василия Андреевича, направить именно к вам!

– Я как раз и хотел... – кивнул генерал. – Да. Абашидзе уже полковник, и он именно у нас. И именно в Швейцарии. И именно в Женеве! Но полем деятельности полковника до недавнего времени была Южная Франция. Он превосходно торговал рыбой! Это им вскрыто специальное учреждение французской разведки, которое готовило людей для диверсионной работы на территории Советского Союза в случае ситуации «Х»! В целях личной безопасности Абашидзе (не подумайте, он и отдаленно не высвечен) мы перебросили его в Швейцарию. Там у него собственное дело, аптека в Женеве на...

– Этого не нужно, – перебил начразведки. – Вы обрадовали меня... Сколько лет, сколько зим... Мы с вами стареем (начальнику «С» было сорок, но генерал-полковник знал, как незаметно похвалить и ободрить), а молодая поросль расцветает... Но так и должно быть! Это смысл всей нашей жизни!

«А ты переборщил малость... – думал между тем начальник нелегалов. – Смысл нашей жизни в ярко выраженном геронтологическом подходе. Но раз «мы» – простим старикану все...»

– Я считаю, что Абашидзе справится с кем угодно и с чем угодно! Это не слова. Если желаете, сейчас доставят его личное дело – и вы убедитесь!

– Зачем же... Я доверяю вам, товарищ генерал. Но продолжайте, продолжайте...

И генерал рассказал, что Абашидзе (кроме специальных знаний – по аппаратуре, радиотехнике, тайнописи и прочему джентльменскому набору) владеет современным менеджментом, умеет организовать и поставить на рельсы практически любое торговое дело, а также в совершенстве освоил рукопашный бой.

– Помните? Был в нашей «сотке»⁵ преподаватель, полуяпонец, мастер из мастеров! Так вот, он говорил об Абашидзе: «Этот парень...» Простите, товарищ генерал, я только цитирую... – И, уловив в глазах начальства одобрение, продолжал уверенно: – «Заткнет именно в жопу любого чемпиона карате, кунг-фу, айкидо и прочего ихнего добра...» Я вообще-то всегда говорю: а наша, русская, национальная? Я, к примеру, готов сразиться с любым мастером и – не побоюсь сказать – уложу его!

– Конечно, уложите. Только шума много, не так ли? – усмехнулся генерал-полковник, щелкнул портсигаром с дарственной надписью, снисходительно принял зажженную спичку (зажигалки здесь не разрешались: мало ли что...). – А как у полковника дела с внешним, так сказать, обликом? Раньше это был весьма красивый юноша...

Начальник «С» тонко улыбнулся:

– Товарищ генерал, вы научили нас понимать больше, нежели сказано.

– Именно? – поощрил начразведки.

– Он был красивый юноша, верно. Сейчас это уже матерый мужик, красавец, при одном взгляде на него женщины балдеют и теряют сознание!

– Откуда вам это известно?

Генерал замялся:

---

⁵ Школа «100» – специальное подготовительное подразделение ПГУ.

– Честно сказать, Абашидзе пару раз прошел по линии «К»⁶. Подробно описывались его связи с женщинами, – правда, он почти всегда оповещал о намечающемся адюльтере (бывали и замужние) или просто соитии. Так что все, с одной стороны, чисто, а с другой – я лично видел фотографии. С ума спятить!

– Суть задания, – сухо начал генерал-полковник, – проверить достоверность сообщения. Установить и проверить источник. Если позволят обстоятельства, получить документальные подтверждения вклада и проработать подходы к нему. Возможно, есть код, кодовое слово, шифр – что там еще? Подработайте и оповестите Абашидзе. Будут результаты – докладывайте.

Василий Андреевич получил послание Центра через три дня: среди почты, регулярно доставлявшейся в аптеку, Абашидзе обнаружил аккуратный конверт из ближайшего к границе французского городка. Форма конверта и, главное, марка свидетельствовали, что письмо служебное. Распечатав, вынул два листка великолепной мелованной бумаги с торопливо бегущими строчками от руки: «Мне сообщили, что только в вашей аптеке возможно приготовить лекарство, способное излечить моего дорогого Мутти от заболевания предстательной железы...» Дочитав письмо до конца, Абашидзе с некоторым трудом уяснил, что Мутти – кобель, доберман-пинчер в возрасте десяти лет. «У них как и у нас... – подумал грустно. – Впрочем, это ведь не о том...» Скрупулезно сравнив текст со специально отпечатанным в единственном экземпляре словарем новейшего французского языка, полковник записал на отдельной бумажке раскодированный текст. Покоробило: Центр запрещал искать содействия в легальной резидентуре, обращаться к трижды проверенным собственным людям, – а ведь только они одни и смогли бы, наверное, каким-то неведомым, непостижимым способом подобраться к золоту, столь желанному любезному отечеству. Теперь же ноль, безвоздушное пространство. Слава богу, банк сподобились назвать, кормилцы... Итак – «Империял». Полковник частенько проходил мимо серой громады на берегу озера. Старое здание, начала века, со всеми признаками модного тогда модерна. Построено со вкусом, для себя, на века. Прекрасно! Только вот с какого бока подступиться?.. Из окна служебной квартиры (постоянно жил при аптеке, это создавало дополнительный ореол «изумительного аптекаря») виднелись островерхие маковки русской церкви, а дальше, за гигантской струей фонтана в центре озера, объект. Банк. «Он сейчас как бымышь... – подумал лениво. – А я? О, я кот, это не противоречит моей сути, ментальности, как принято теперь говорить. И это значит...» Оборвав течение мысли на самом интересном месте, Василий Андреевич принялся рассматривать купола. Он частенько бывал под сводами храма, на каждую Пасху стоял от звонка до звонка, много часов. Это так и называлось среди русских эмигрантов первого поколения – «стоять». «Завтра Страстная начинается, мы должны стоять», – вспомнил вдруг некогда сказанное на берегу теплого моря, в Марселе. Старичок, в чем душа держится, а вот поди ж ты... Урок усвоил и с тех пор всегда «стоял» на всех престольных праздниках, вваливаясь в служебную бездыханным. Привычка была, образовалась, а вот традиции – ее не было, откуда бы и взяться? Происхождение самое что ни на есть рабоче-крестьянское, атеистическое, безбожное.

Религиозности требовала легенда, с которой заступил некогда на поприще внешней, политической разведки: по легенде этой, созданной аналитиками управления, Абашидзе происходил из старой грузинской княжеской фамилии, которая еще до крушения независимой Грузии (растоптали проклятые большевики, захватили и изнасиловали несчастную родину), сразу же после февральского переворота, благоразумно отправилась в Южную Францию: языком владели прекрасно, в банках имели счета. Однако, когда в тридцатых родное советское правительство бросило всеэмигрантский клич: вернитесь, любимые, в пенаты, – дедушка (уже выживал из ума) радостно поверил, сердчишко забилося невместно, и, громко пукая на про-

⁶ «К» – контрразведка, специальное подразделение ПГУ.

щальном обеде, забывая вытереть крахмальной салфеткой слюни (счастья – как же! Родина! О-о-о...), собрал нехитрые пожитки горца: черкеску с серебряными газырями, награды, некогда врученные государем Александром III, и под вой и стенания отбыл в никуда.

Их всех встречали с оркестрами, флагами (красными, конечно), их утомляли бесконечными речами о новой светлой жизни, их уверяли, что каждый найдет свое новое «я» в возродившемся отечестве (эту часть легенды, трагическое предчувствие как бы, надобно было излагать со слезой и волнением). Вспомнил вдруг, как впервые пересказал сей красочный вымысел в Марселе, слушатели ведь знали дедушку, иссохшие старцы даже общались и дружили с ним; один подошел, взял за подбородок, приподнял: «Так ты, значит, Васику, правнук? Он мечтал так тебя назвать, я помню...» Может, и врал от старости, но управление и в самом деле воспользовалось событием подлинным, случившимся в далекие годы Великого перелома, меча, грозно опущенного на головы соотечественников кремлевским горцем, «душегубом и мужикоборцем» – как процитировал, кривя рот, начотдела, большой знаток акмеизма и декаданса. Всех, кто поверил и вернулся, рассортировали по статьям УК РСФСР. 58-я вышла каждому, только с той разницей, что большинство получило от пятнадцати до двадцати пяти, а сотне-другой (дедушка был в числе Апокалипсиса) дали ВМСЗ – «вышку», если попросту, так что наивный старец, достигнув в волнении родимых берегов, был передан для порядка родимым грузинским властям, вывезен на рассвете на окраину Тбилиси и застрелен умело в затылок. Тело, иссохшее, швырнули в заранее приготовленную яму, залили негашеной известью и забросали землей. И дедушка исчез...

Господи, как же они плакали, эти мумии, перемежая невнятными междометиями унылые свои воспоминания: «Он ведь был полковник императорской армии... Как звучит – будто Бонапарт поднялся из гроба!» «Да-да! – вторил следующий, постарше. – А как он, как... То есть я желал бы отметить его любовь к Бонапарту...» Старики невнятно улыбались, путали и вскоре забыли, зачем к ним пожаловал внук и вообще – откуда он и кто. Но эта встреча укрепила позиции и бытие новоявленного выпускника Сорбонны (здесь все было на самом деле и весьма чисто: окончил заведение среди лучших). Объявив городскому сообществу, что желает употребить деньги невинно убиенного на рыботорговлю (враждебность к Советам была уже давно не в моде, к тому же привлекла бы излишнее внимание), создал великолепное предприятие, выстроив его на остатках разорившегося заводика по переработке чешуи. Город получил множество рабочих мест, новоявленного «русского» поминали в молитвах... В разное время и в разном обществе вспоминал он свою вымышленную одиссею, всякий раз вызывая сочувствие, сопереживание и любовь. Только однажды, на вечере в честь торжественного тезоименитства мэра, нарвался вдруг на враждебное непонимание. Это случилось в тот момент, когда скромно повествовал о внезапной трагической вести из России (Грузия ведь прочно вцементировалась в СССР). «Бабка скончалась на месте, выронив телеграмму на Хорасан, великолепный коллекционный ковер ручной работы, XVII века! Она как раз на нем стояла, вспоминая, как дед вывез его из путешествия по Персидскому заливу. Слава богу, что предусмотрительный дед успел переправить все деньги из «Взаимного кредита» в парижский «Континент-банк». Иначе бы мы все просто-напросто умерли с голоду! Вы уже не помните, господа, но ведь русские офицеры работали половыми в трактирах и ресторанах, крутили баранку такси...»

Молодой человек в смокинге, со значком франко-советской дружбы на лоснящемся лацкане, ядовито улыбнулся и задал вопрос: «Кто же был исторически прав, месье?» – «О-о, – ответил не задумываясь. – Конечно же мои предки! Ведь они боролись за единую и неделимую Россию!» Молодой человек нахмурился: «Ваши предки были врагами русского народа, как, скажем, были врагами нации Бурбоны! Вы не понравились мне!»

«О, как это плохо, Базиль! – всплеснул руками владелец рыболовного траулера. – Это редактор коммунистической газеты! Он сотрет тебя с лица земли!»

И правда. Уже на следующий день в местной марсельской газетке с ностальгическим названием «Стена коммунаров» появился очерк о владельце рыбных предприятий месье Базиле Абашидзе, человеке сомнительного происхождения и сомнительных суждений. Знал бы чертов француз, о ком он сочинил свой пасквиль...

Пришлось доложить в Москву. Решение последовало немедленно: воспользоваться профессией врача-фармацевта, приобретенной в Сорбонне, купить в Женеве престижную аптеку и незамедлительно перебраться. Тем более что Франция не делала более активно-враждебных попыток против СССР. Исполнил все точно и в срок, даже повезло: в первый же день нового поприща ощутил, как швейцарцы любят свое здоровье и милейшее обхождение. Просьбы исполнял мгновенно, вернул в лексикон давно забытое «Чего изволите?». Получилось великолепно, все были в восторге, аптека начала процветать.

...Решил прогуляться, на воздухе думалось лучше. Обдумать же, а потом и придумать следовало многое. Спустился к озеру, в уютном летнем кафе велел принести чашечку черного и, уставившись немигающим взглядом на фонтан, снова погрузился в воспоминания. Они вообще часто посещали в последнее время вдали от любимой Москвы, Нины, двоих детишек («Наш пострел везде поспел!» – любил произносить шутливо по данному поводу) – старшей, Леночки (уже в седьмом, отличница), и младшего, Николая (этот пока пребывал в пятом классе и намеревался идти по стопам дорогого папы, всей правды о котором, естественно, не знал. Но главное – отец – солдат незримого фронта – повторял как молитву или заклинание, это льстило, давало внутреннее ощущение бесконечного превосходства над одноклассниками и даже друзьями). Славный мальчик, как-то сложится твоя карьера, жизнь, усмотрит ли, уследит нежная, томная Нина за нравственностью... Сам ведь прошел и Суворовское, и специальную школу, всякое там бывало, неведомое начальству. Ведь даже тупому понятно: можно увидеть и услышать (оборудуй литер – и нет проблем!), проследить – все что угодно можно, кроме одного: мысли читать. А под черепной коробкой происходит другой раз такое... Бедное начальство, никогда тебе не узнать! У Васиکو половина грузинской крови, но ведь человек руководствуется главным в себе... Очень, очень опасна эта взрывная смесь!

Настоящая мать Василия Андреевича была русской, настоящий отец – грузином из Тбилиси, игроком местного «Динамо». До поступления в команду отец служил в Комендантском отделе Министерства госбезопасности Грузии и, утомленный кроваво-подвальной работой, охотно внял призыву руководства спортобщества и, используя всеми признанное свое футбольное мастерство, занялся спортом, повел спокойный и здоровый образ жизни. Свою будущую жену встретил в паспортном отделе, когда дали квартиру. Нина мягко улыбнулась, тиснула в паспорт (теперь у Андрея был паспорт, как у всех, а не «красная книжечка») штамп о прописке, пожелала счастливого новоселья. Вглядываясь в ее миловидно-округлые черты, пепельные волосы, еще не тронутые пергидролем, бездонные иссиня-голубые глаза, Андрей Абашидзе рухнул мгновенно и безвозвратно: встал на колени и с истинно грузинской пылкостью предложил руку и сердце. Кто же устоит перед новой квартирой в центральном городском районе? Из окон виден дом вождей и лучших людей страны, все лучшие магазины здесь и лучшие люди рангом пониже – тоже. А бывший сотрудник комендатуры даже и не понял, что на самом деле есть удивительный закон, возникший на стыке Грузии и России: если русский перед волоокой грузинкой и может устоять, то нет такого грузина, который не рухнул бы перед голубыми глазами и вздернутым носиком русской женщины... Впрочем, Андрей – волосатый, кривоногий, с литыми бицепсами и цепким профессиональным взглядом подвального психолога последних человеческих мгновений, с огромным горбатым носом (Нина еще в юные годы узнала от более опытных подруг о том, что «в магазине всегда то, что на витрине», и, поняв сокровенный смысл поговорки, отнюдь ее не отрицала) – тоже произвел на девушку неизгладимое впечатление. Васиکو родился уже на следующий год и жил в атмосфере любви и заботы... А свадьбу отыграли, как и положено, в кругу горных родственников. Жужжала

зурна, взлетало к беленому потолку застольное многоголосие, тосты из уважения к профессии брачующихся произносились двухчасовые. Несметное же количество красного вина, выпитого из оправленных в серебро рогов, и вообще не поддавалось учету...

...Усмехнулся: вспомнил, как однажды (было уже лет шесть или даже семь) услышал среди ночи странный шум и увидел содрогающуюся стену (квартирка была скромной – две утлых комнатенки и кухонька с ноготок), из-за которой неслись гортанные выкрики, безумное кряхтение, стук чего-то тяжелого. Одолело любопытство, тихо подобрался к дверям и заглянул в замочную скважину: то, что увидел, потрясло больше, чем страшная сказка о Вие, которую накануне прочитала вслух мать (сам читать еще не умел). Голые родители переплелись в таких причудливых позах, что подступила рвота и одолело такое отвращение, какое не испытывал даже от перловой каши – всегда от нее блевал, а беспощадная мать, подставив тарелку, сосредоточенно отправляла вторичное ее содержимое в рот сыну, приговаривая: «Трудовой народ хлебом не бросается!» Позже он понял значение того, что увидел, но ни в Суворовском, ни на первом курсе специальной школы госбезопасности о женщинах даже не помышлял. Хотя и однокашники уговаривали, и знакомые прелестницы были не против – их взгляды ощущал на себе уже с восьмого или даже с седьмого класса. Но забыть поганую сценку не мог, к тому же реальная половая жизнь требовала усилий, сосредоточенности, самоотдачи. Неохота это все было. Между тем неясный зов нарастал, туманные картинки возникали в сознании, однажды в сортире, в школе, невзначай увидел, как приятель самозабвенно занимается действием (кое между делом обозначил сложным иностранным словом). «Зачем это?» – спросил недоуменно. «А ты попробуй – узнаешь», – отвечал приятель, доставая грязный платок. Попробовал, результат показался плевым (да и не было никакого результата – так, чепуха), однако со временем вошел во вкус и предавался пороку со страстью. Умел конспирироваться – никто никогда не заметил ничего подозрительного. Круги под глазами объяснял любознательному доктору бдением над гранитом науки. Доктор сомневался, но сказать прямо не решился. Так и шло... Когда исполнилось семнадцать (учился в последнем классе Суворовского), однажды в увольнительную распрощался с родителями пораньше и отправился в училище пешком. По пути захотелось мороженого, решил зайти в маленькое полуподвальное кафе, съесть крем-брюле и выпить газировки. Подавала молодая русская, лет двадцати на вид. Расставляя блюдечки и вазочки, она беззастенчиво зыркала по форме Василия пронзительным взглядом убойных голубых глаз и улыбалась непонятно. Наступал вечер, посетителей в кафе не было, Василий торопливо доедал мороженое и, давясь, запивал его нервными глотками. «Вы небось военный? – спросила, подбоченясь. – Вам идет...» Ничего не ответил и встал, чтобы уйти, но она неожиданно заперла двери на тяжелый засов. «Как я тебе?» – спросила, лениво поводя тугим задом и задирая край платья. Подкатила дурнота, и вдруг Васико ощутил, что дурнота эта исходит не от воспоминаний, а от ее упругого белого тела, выглядывающего из-под чулка... Дальнейшее совершилось мгновенно и длилось до утра. Он явился в училище, опоздав на шесть часов, получил арест. Вызвали отца, заместитель начальника по политчасти долго внушал притихшему Васе, что хода делу не даст исключительно в ознаменование отцовских чекистских заслуг на ниве искоренения контрреволюции и антисоветчины. «А вы, молодой человек, не срамите седины чекистов! – выкрикнул напоследок. – Ступайте! Отныне я сам буду следить за вашим поведением!»

Но не уследил. Однако рукосуйная юность прошла.

Вернувшись в служебную и достав из ящика стола шестидесятикратный цейссовский бинокль (купил еще во Франции, но никогда не пользовался), отошел в глубь комнаты (эти уроки вроде бы давно забыл, но пришло время, и оживилась память) и навел на банк. Брызги фонтана сильно мешали, размывая большую часть объекта, но волшебное приближение было столь значительно, что все выходившие из центрального подъезда казались на расстоянии

вытянутой руки. Прически и губная помада женщин (можно было определить название и фирму), украшения и выражение лиц – ничто не могло укрыться от беспощадных линз. По движению губ он даже «слышал» разговор, вернее – его обрывки (недаром учили и этому). Мужчины не привлекали внимания. Манера движения, возраст, костюм и обувь выдавали должностное положение и привычки, но это не интересовало Василия Андреевича. Он был профессионалом высокого класса и знал, что сойтись дружески с чиновником крупного банка просто так, по случаю, увы, невозможно. Такой чиновник владеет секретами фирмы и ведет себя как контрразведчик: замкнуто и непримиримо во всем, что касается дела. Для шантажа, понятно, нужен компромат – и не простой (адюльтер или гомосексуальные связи, к которым здесь относятся если не сочувственно, то уж терпимо, во всяком случае), а сложный, добываемый годами каторжного труда (скользкий образ жизни, криминальные связи, выявленная нечестность) – тут даже обман уличного торговца сгодился бы, такое бывает с некоторыми, жадными. Но не было у него даже нескольких месяцев: текст приказа свидетельствовал о невероятном, невозможном нетерпении Москвы, за этим нетерпением стояли «сферы», кто же еще...

Итак, избавиться от головной боли могла только женщина. Сколько бы представительницы слабого пола ни полагали себя (какой ужасающе низкий штиль) недотрогами и хранительницами банковских и иных секретов, они все равно оставались объектом утех и наслаждения, не более. Если бы Гитлер и Франко понимали это во время гражданской войны в Испании, например, – они бы подставили непримиримой Пасионарии, Долорес Ибаррури, сладчайшего и образованного агента, и республика мгновенно потеряла бы одного из самых стойких бойцов. То, что невозможно сделать с помощью денег, шантажа, «партийного» сочувствия и любого иного давления, – то открывает, подобно «сезаму», только «пылающая страсть», оргазм. Этот сладостный заряд вышибает двери любой толщины – кто бы там что ни говорил на ответственных совещаниях в главке.

Итак, метод «добычи» полезных сведений определен, теперь нужно взять бинокль и уже предметно, прицельно выбрать первую жертву.

Абашидзе не был монстром, циником, безжалостно срывающим цветы удовольствия, нисколько не заботясь о переживаниях и проблемах другой стороны. «Дело» коробило его всегда, даром и название было воровское. В обыденной жизни – в те немногие дни и часы, когда она, эта обыденная, выпадала ему, – он являл собой высочайший образец любви и преданности жене, близким, товарищам по работе, наконец. Но «дело»... Это ведь совсем другое. И ассенизатору не всегда нравится его работа, не всегда она устраивает и прозектора или служащего общественной уборной. Есть долг, его надо выполнять вопреки всему и несмотря ни на что. Он уже давно приучил себя различать истинное и бутафорское, но только в обыденной жизни. В работе же привык погружаться «на данный отрезок времени» (так именовал процессы, возникающие в деле) в как бы истину, как бы правду, как бы любовь, наконец. Те женщины, с которыми приходилось сталкиваться по заданию – о-о, они, птички-зайчики, мгновенно утрачивали в глазах полковника абсолютно все, что думалось по их поводу в обыкновенное время, и приобретали все без исключения качества любимых. Игра, конечно, но очень натуральная... Это было трудно поначалу – отделить общественное от личного, но он научился – и в «деле» сбой не давал никогда... Но жену, Нину, любил нежно и страстно. Иногда приходило в голову, что невежды и обыватели называют такое состояние «двойной жизнью», «аморалкой» и всяко разное еще, однако отбрасывал подобные суждения, искренне полагая, что профессия, которой обладал, исключает суд толпы. Нина... Поразило, что имя как у мамы и даже похожа чуть-чуть. Яркое юношеское знакомство. На втором курсе, перед окончанием, руководство устроило вечер. Пригласили (как и всегда) родственников, сослуживцев, – в общем, только близких. (Школа являлась совершенно секретным объектом, вывеску имела захудалую: «Военное училище тылового обеспечения», форму носили армейскую, с малиновыми курсантскими пого-

нами. Странно: в округе все искренне полагали, что так оно и есть, вездесущая милиция – в том числе.) Здесь, на вечере, и познакомился с дочерью начальника кафедры иностранных языков – высокой, тоненькой, ясноглазой... Чувство возникло мгновенно и неистребимо, Нине он тоже понравился: хорошо сложен, блондин, лицо узкое, аристократическое, глаза голубые, широко расставленные. Только великоватый горбатый нос не то чтобы портил картину – сбивал, скорее... «Вы русский?» – спросила с улыбкой. Не обиделся, понял: в Системе национальность все равно как партбилет на партсобрании: либо войдешь, либо выйдешь безвозвратно. О, конечно, Система не страдала идиотизмом, – хотя бы потому, что в крайних обстоятельствах использовала даже евреев, присваивая им воинские звания, но это только тогда, когда нельзя было обойтись. К примеру, в переводческом деле, на постоянной основе. Идиш и иврит – дело тонкое, профессию духовной академии или элитарную интеллигенцию (эти всегда имели склонность к обсуждению недостатков и фронде) в тонкости посвятить невозможно, посему привлекались знатоки со стороны, из среды, разумеется, но без родственных и прочих связей. Такое для евреев почти невозможно, но – находили. Страна-то огромная...

«Я русский, – ответил с пламенной, но спрятанной глубоко внутри улыбкой. – Дедушка у меня грузин...»

Это устроило, вопросов больше не возникло, хотя Василий и удивился. Ну, как же, разве мог попасть человек нежелательной национальности в святая святых? Но простил: милая, юная, папа наверняка ни во что не посвящает, краем уха слыхала о «политике» – и все. Стали встречаться. Нина свободно писала, читала и разговаривала на немецком, английском и французском, при этом весьма различала и весьма деликатно пользовалась немецкими диалектами. Позже отец Нины, полковник Кратов, сообщил своему зятю не без гордости, что немцы, англичане и французы всегда полагали, разговаривая с Ниной, что она принадлежит именно к их прекрасной нации.

Жены у Кратова не было, он, сухарь и научный червь, женщинами вообще не интересовался. С тех пор как болезнь унесла мать Нины (тому было уже десять лет), ни разу не сошелся на любовной почве ни с одной женщиной. Это удивляло Василия, но он относился к этой странности полковника даже с сочувствием.

За него, что называется, взялись. Язык учил днем и ночью, слава богу, разговорная практика была великолепная; к окончанию школы, в совершенстве овладев всеми специальностями и общими (западной литературой, например) дисциплинами, Василий, конечно же по рекомендации тестя (свадьбу сыграли тихо, без гостей, за неделю до выпуска), а также и руководства школы, был направлен на переговоры в ПГУ. Тогда-то и познакомился с ним начальник главка, только что назначенный на эту должность из высоких партийных органов. Вспомнил: самое сильное впечатление на начальника произвела не великолепная характеристика или золотой аттестат об окончании, а звание, присвоенное в связи с необыкновенными успехами: «старший лейтенант». Сам начупр звания еще не имел, только ожидал указа со дня на день, и потому поразился до глубины души.

...Подошел к зеркалу: что ж... поблекла, конечно, по сравнению с теми уже далекими днями, внешность, и глаза малость подвыцвели, а вот нос... Наследственное достояние; «что на витрине, то и в магазине». Усмехнулся. «Связи» им были довольны всегда, что же касается товарищей по оружию – о-о, они о нем складывали легенды, знал достоверно. Да вот взять хотя бы начотде-ла: однажды, прибыв в Марсель с инспекцией, усадил в кресло напротив себя, внимательно прочитал отчет (написан был так, что понять мог только посвященный), а потом, закинув ногу на ногу и потягивая «Мартель» под сосиску в желе (извращение, конечно, но ведь вкусы поколения складывались не под воздействием Максима, некогда основавшего одноименный ресторан), долго выпрашивал подробности. Ах, эти подробности... мужчины и в старости глубокой сохраняют к ним невероятный интерес, хотя чего уж там...

И, устремив линзы к месту возможного действия, теперь уже прицельно высматривал ту, единственную, с которой следовало начать дорогу к победе. Увы... Прошел час, миновал второй, а она все не появлялась. Звездой севера или, может быть, юга – какая, в конце концов, разница? Мелькнет головка с трудноразличимым лицом, волна волос откроет и мгновенно спрячет изящный изгиб плеча (хотя какой может быть изгиб? Нынче в моде приподнятые прямые плечи, некая портновская затея, более похожая на протез, чем на такую значимую часть прекрасного тела). Так... Кажется, возникло нечто. Мгновенно настроив бинокль, Василий Андреевич разглядел в плывущем мареве женщину лет сорока, затянутую в модный «официальный» костюм, поля шляпки скрывали форму уха (тоже значимая часть: по овалу, изгибам ушной раковины Абашидзе безошибочно определял либидо – уровень полового влечения и даже потенции). Но вот женщина повернула лицо к фонтану, и полковник увидел приплюснутый нос, маленькие, глубоко посаженные глазки, две черные родинки синхронно расположились на правой и левой скуле – женщина являла собою то, что на бытовом русском языке принято называть витиеватым словечком «мурло». Но не смутился, не бросил бинокль, не поморщился даже: в изгибе рта незнакомки, в форме толстых, слегка припухлых губ, в едва заметном шевелении ноздрей – каждая словно вздыхала, сжимаясь и вновь распахиваясь, будто два маленьких кратера, готовых вот-вот начать невероятной силы извержение, – во всем этом скрывалась истина, которую искал... Василий Андреевич усмехнулся и положил бинокль на стол. Применительно к носу «извержение» вроде бы и не обещало ничего хорошего, но это для профанов, непосвященных. Он, изучающий науку любви, давно научившийся мыслить дискурсивно и действовать на самом что ни на есть «прикладном» уровне, – о, он-то знал: то, что тысяче обывателей от главного процесса жизни человеческой покажется чепухой, скукой невыносимой, даже извращением, – ему, гроссмейстеру, посвященному, обещает то, о чем не поется в романсах, скабрёзных песенках, не рассказывается в анекдотах и даже на уху. Эта уродливая дама несла в себе невероятный заряд. «Проведем подготовку, – решил полковник, ощущая даже некоторое волнение. – Поначалу надо выявить точное время, сопоставить, остальное – дело техники...»

Еще три дня он трудолюбиво устраивался перед окном, дожидаясь ее появления. И она появлялась – всегда в одно и то же время, все с той же умопомрачительной походкой и всегда одинаковым, с поволокой, взглядом в сторону фонтана. На третий день Василий Андреевич даже усомнился: да что же ее, черт возьми, связывает с этим идиотским фонтаном? Тут же промелькнувшая мысль свела с ума: ее поражает, ее восхищает высота струи. Длина как бы... О господи, да ведь такого просто не может быть...

На четвертый день полковник открыл тщательно замаскированный сейф, извлек грим и целый час трудился над своим безукоризненно свежим лицом. Следовало придать глазам некую загадочную усталость, наметить мешочки и прочие атрибуты мужской доблести. Закончив работу, Абашидзе появился на дальних подступах к банку. Опасность была только одна – она могла проследовать на автомобильную стоянку и благополучно уехать, оставив ловеласа в дураках, впрочем, и это было нестрашно. Сорвется в этот раз – получится в следующий. Прокатимся, это тоже приятно. Но неудача подстерегла совсем в другом...

Кандидатка (окрестил ее Стру – от струи фонтана, на которую смотрела с таким упоением) была не одна, ее сопровождал огромный негр в дорогом английском костюме, рубашке с галстуком и без всяких излишеств в остальном. «Вот это да... – подумал обреченно, – делать, пожалуй, и нечего. Лиловый негр вам подает манто... Надо же, кто бы мог предположить...» Но шел следом, никуда не сворачивая и применяя тактику наружного наблюдения так, как учили когда-то: открыто, гордо, высоко поднятая голова словно стремилась обратить на себя внимание, иногда Василий Андреевич приближался настолько, что слышал разговор – вполне ординарный, впрочем. «Что собираешься делать в отпуск?» – спрашивала она, а он отвечал, смеясь, что дел слишком много и отпуск не грозит. «А ты?» – повернул черный профиль с приплюс-

нутым мясистым носом (этот нос мгновенно успокоил Абашидзе. Огромный рост конкурента и сразу не ввел в заблуждение, а теперь и подавно. Вспомнил, как однажды очередная пассия в порыве откровенности рассказала о том, как польстилась однажды на некоего великана, а когда дошло до дела – с недоумением и даже ужасом увидела нечто ма-а-лень-кое, ничтожное и беспринципное). «Ладно... – озорно сказал себе под нос (о, совсем другой, совсем иной – многообещающий и принципиальный), – мы еще посмотрим, чья возьмет...»

Они вошли в зеркальные двери кафе, полковник еще несколько минут видел их, щебечущих дружески, и, когда повернулся, чтобы уйти, вдруг возник где-то глубоко-глубоко и сформировался некий вывод, вызревавший, видимо, с первого мгновения: это не соперник. У нее, может быть, и есть неосознанная мыслишка попользоваться сослуживцем; ее ведь рост обманывает, как и многих; а у него – полный штиль. Она для него всего лишь милая Тутти или еще как-нибудь, слово «постель» (применительно к ней) никогда у него не возникало. И слава богу, теперь можно задержаться.

Опыт и интуиция не подвели. Выпив по чашке кофе и съев по пирожку (с креветками и луком – это определил по форме пирожков и подумал, что женщина не боится употреблять такую антилюбовную пищу и, значит, на любовь в ближайшие сутки не рассчитывает), приятели расстались у входа с дружескими улыбками. Негр направился к антикварному магазину на другой стороне улицы, Стру мгновенным движением подкрасила губы и двинулась вниз, к трамваю. Или у нее не было автомобиля, или она не желала по каким-то причинам им пользоваться. Что ж... У богатых свои причуды (вряд ли она была богата, но ведь жила в богатой стране, в этом полковник не сомневался). Теперь следовало найти предлог для знакомства, таковых в арсенале Василия Андреевича было тысяч десять, впрочем, он никогда не считал.

– Мадам, ради бога! – Он нагнал Стру и смущенно улыбнулся, коснувшись указательным пальцем уха. Этот жест всегда выходил у него трогательно и очень искренне. – Вы, должно быть, знаете, как пройти на улицу Капуцинов? Я вам так признателен... – Он смотрел незащищенно, дружески, он был готов принять любой, самый неприятный для себя ответ. Мало кто любит, когда заговаривают на улице незнакомые люди. Что ж, пусть последует наказание.

Она молча и заинтересованно всматривалась в красивое, очень мужское, выразительное лицо. Прежде ему не раз говорили, что, когда он разговаривает с женщиной, возникает в его щеках (странно, правда?) нечто по-хорошему сильное, бульдожье, а в глазах струится, нарастая, бурная река желания. «Улица Капуцинов внизу, – сказала с вдруг промелькнувшей усмешкой. – Я как раз иду туда... Если угодно...» – «О, мадам! – перебил радостно. – Вы спасли меня, это так приятно, моя признательность не имеет границ!» И, предложив руку так, как это и должен сделать порядочный человек в подобном случае, двинулся рядом, слева (справа только военные ходят, этому научили давно). «Вы не можете представить, какое невероятное впечатление производит на меня этот город! – исходил словами, чувствуя, что ей приятен этот нарастающий поток, что она хочет его и ждет. – Знаете, мне нравится спокойная и властная сила. Фонтан на озере... Вы ведь знаете?» Кивнула, соглашаясь, и едва заметно прижала его руку. Это могло произойти и случайно, но – нет! Он сразу уловил подоплеку ее движения. Оно ведь совпало, оно синхронно случилось на слове «сила». Какая женщина, какая женщина...

Вряд ли эти мысли и в самом деле сотрясали его. Он был холоден, расчетлив, действовал проверенно – много раз приходилось действовать подобным образом, да и какое, в конце концов, имело значение – искренен он или только играет? Важнее (и гораздо важнее!), что испытывает она, – здесь не могло быть ошибки...

Ее и не было. Давным-давно, после семнадцатилетнего возрастного рубежа, когда проснувшийся интерес к женщинам удовлетворялся легко и споро, услышал он во время дружеской пирушки (и такое бывало – вопреки начальственным установкам и недреманному оку приборов и людей) длинный рассказ выпускника об одном занятом знакомце того на гражданке. Знакомец был лет на восемь старше, как бы давно уже не юноша, знойный карабах-

ский армянин, но внешне нисколько не похож (редчайший случай!), и обладал таким влиянием на женский пол, что устоять не смела ни одна (рассказчик употребил именно этот глагол). Действовал любезник просто: подойдет, бывало, на остановке к молоденькой дамочке, пусть и замужней (еще острее чувства: запретный плод – он ведь всегда слаще!), и скажет: «Вы в ту сторону?» Она повернет личико, увидит, ахнет и: «В ту!» Ну, по дороге еще пять-шесть глупостей или умностей, это от объекта зависело, и он ее... Понятно. Осечек не давал. Встретились одна за другой подряд аж две кандидатки наук – не устояли, куда там... А какой арсенал обольщения, влияния и убеждения! Улыбки, мгновенно охрипший голос (не у каждого и получится!), подрагивающие пальцы на коленях, ладони, в которых вдруг скрывается буйная головушка, и, наконец, самый веский аргумент: слезы. Они появлялись так естественно, так к месту, что самый великий актер мог взвыть от зависти.

Этим арсеналом обзавелся и полковник. Долгие, подчас бесконечные тренировки перед зеркалом принесли свои плоды. Вот только со слезами было туговато, но, если представить себе мысленно тяжкую смерть близкого человека, – появлялись и слезы.

– Мы пришли, – сказала Стру. – Вот улица Капуцинов.

– О... – Полковник будто дар речи потерял. – Я не знаю, как вас благодарить...

Боковым зрением увидел роскошный подъезд трехэтажного дома, не менее роскошный «шестисотый» у обочины. Ее... Черт возьми, это ее дом и ее автомобиль! Хорошенькое дело... На этот раз одолело вполне всамделишное волнение. С такими женщинами судьба еще не сталкивала, хотя бывали всякие: референт крупного бизнесмена, артистка балета, модель и еще сонм других, прекрасных-распрекрасных, хотя зачастую некрасивых до безобразия. У этой же некрасивость так мощно компенсировалась богатством – тем самым, о котором еще минуту назад думал с таким пренебрежением... Не «мое», конечно, и не станет, зато новый опыт, и какой! Протянула руку с улыбкой, ему следовало направить губы к внешней стороне ее ладони – эдаким быстрым, изящным движением – и, не коснувшись, отпрянуть (коснуться – о, то был дурной-дурной тон, не принято такое, разве что в «отношениях», но их пока как бы и не намечалось). И все же – рискнул, прижался на мгновение вспыхнувшими по-юношески губами (отчего они вспыхнули? Сам удивился...) к бархатистой ее коже, ощутив, как мелко-мелко дрогнула ее рука. Это был многообещающий знак...

– Вы торопитесь? – спросила вдруг безразличным голосом. («Знаем мы это ваше безразличие, – мелькнуло в голове. – Ответ последует искомый».)

– Даже если бы я торопился на тот свет, – произнес мрачно, – я бы все равно сказал «нет». Нет. Не тороплюсь.

Но произошло не совсем то, чего ожидал. Она радостно улыбнулась и взяла его под руку:

– Не знаю, захотите ли вы (при этих словах он снова подумал не без скабрёзности, что так вопрос пока не стоит, – и снова ошибся), – сказала с некоторым сомнением, – дело в том, что здесь, совсем рядом, изумительная церковь шестнадцатого века, а в ней – икона итальянской работы... Я стараюсь показывать ее всем своим друзьям!

– А я... ваш друг? – спросил с тщательно продуманной заминкой. Вышло естественно.

– Пока не знаю, – улыбнулась. – Но – надеюсь. Вы мне сразу понравились. Так идемте?

– Вы мне тоже, – потупился как гимназист, получилось так натурально, что она вновь рассмеялась:

– Вы такой стеснительный... Редкостная черта в современном мужчине. Может быть, вы из прошлого века? – И снова рассмеялась серебристым («Русалочьим», – подумал полковник) смехом.

Церковь действительно находилась рядом, в соседнем переулке, в двух минутах ходьбы. Это был достаточно стандартно построенный храм с круглым куполом и прямым католическим крестом.

– В это время архитекторы уже отказываются от внешней устремленности к Богу... – задумчиво произнес Абашидзе, ощущая, как она вдруг удивленно напряглась и замерла.

– Вы... понимаете в этом? – спросила ошеломленно. – Надо же...

– Мое второе образование, – отозвался скромно. – Я экономист, с одной стороны, и искусствовед – с другой.

– Редкое сочетание... – вошла первой и, преклонив колено, перекрестилась всей ладонью, слева направо, потом приблизилась к чаше со святой водой, тронула пальцами и сразу же прикоснулась к его руке.

Полковник перекрестился, как и всегда, по-православному, шепотью. Поймав ее вопрошительный взгляд, сказал тихо:

– Я ведь русский... Предки оказались во Франции в восемнадцатом, тогда был всеобщий исход...

– Я знаю... Я историк. По образованию. А служба... Увы, человек всегда ищет лучшего. – Оглянувшись: – Я хотела показать вам вот эту икону...

Он сразу понял почему. За спиной Богоматери (то было «Бегство в Египет», внешне примитивная работа века четырнадцатого или даже раньше), которая держала Богомладенца на руках, стоял, взяв осла под уздцы, обручник Иосиф, в бороде и усах, с ярким нимбом вокруг головы, но разве что слепой не заметил бы удивительного сходства полковника с названным отцом Иисуса.

– Вот это да-а... – произнес восхищенно. – Знаете, дело даже не в том, что мы похожи («Хотя он – еврей, а я – русский», – подумал с некоторой даже обидой), а в том, что вы удержали в памяти это сходство. В том смысле, что мгновенно соединили, казалось бы, несоединимое...

– У меня образное мышление, – заметила с улыбкой. – Удел примитивных натур и животных. Вас не оскорбляет, что вы на одно лицо с древним евреем? – Она словно читала его мысли.

– О нет, – отозвался искренне, широко разводя руками. – Я – потомок русско-грузинских эмигрантов, слава богу, мои предки безупречны этнически. В России это всегда имело значение. И сегодня имеет. Но мне это безразлично.

Безошибочная фраза, прекрасный ход – понял это по ее умиротворенному лицу.

– Я рада, – улыбнулась почти дружески. – Широкий взгляд, это заслуживает уважения...

Он решил сменить тему разговора:

– Вы обратили внимание? Примитив, но как проникновенно! Вы видели в Падуе фрески Джотто? О-о, это шедевр, я произношу банальности, но ведь какое открытие, какой прорыв! Бог Вселенной, Спаситель Мира предстал перед изумленной паствой самым обыкновенным, страдающим, сомневающимся человеком! Не в Богоданности Своей, нет – в робкой надежде, а вдруг – ведь может случиться такое – Иуда не предаст? Как это тонко, правда?

– Правда... – ответила тихо. – Но ведь Он знал, что предаст.

– Истинное начало Возрождения, – говорил возвышенно, будто проповедь читал, – внешняя устремленность к Божеству сменяется размышлением о Нем... – Ему и самому нравилось то, что сейчас произносил. Такое и раньше с ним бывало: слова становились емкими, значительными, образными и, самое главное, искренними. По ее лицу было видно, что усилия не пропали даром... – Иногда я думаю, – сказал тихо, – что такое знание – оно ведь Божественное, правда? Пусть, говорю я себе. Пусть предаст. Но ведь это случится потом. Но сначала – поцелуй. Долгий, исполненный любви. И он важнее того, что случится потом... – Василий Андреевич стоял в свете, у высокого окна, сквозь витраж которого пробивался мир суетный, внешний, но он проникал неземной. Какие удивительные слова вдруг нашлись и как широко и прекрасно распахнулись ее глаза, как влажны они и как призывны...

– Меня зовут Клотильда, близкие друзья называют Кло, – сказала, приблизившись вплотную. – Я не хочу лицемерить. Твои слова открывают бездну. Я не вижу дна.

– Я никогда не испытывал ничего подобного... – проговорил медленно, с заминкой. Наверное, сейчас, под этим бесконечным куполом, это так и было? Мелькнула мысль и пропала. Что ж... Мгновения всякие бывают. Главное – дело. Э-э... Глупости. Первым делом – самолеты. Факт.

Возвращались, тесно прижавшись друг к другу, не отрывая глаз друг от друга, мир рухнул, исчез, они были только вдвоем...

У подъезда она сказала:

– Есть такая фраза: «Может быть, выпьем кофе?» Нет. Я не хочу оскорбить тебя. Зачем говорить о кофе? Разве ты хочешь о нем говорить?

Улыбнулся:

– Я хочу. Но совсем не кофе. Ты права: отбросим лицемерие.

Вспыхнула, даже сквозь темную кожу пробился багровый отсвет.

– Прозаично... Но я не обижаюсь. Потому что изнутри поднимается нечто, и я не понимаю, что это такое, – улыбнулась через силу. – Мне двадцать восемь, в моей жизни было все. Но ты... Твои слова... – Теперь она бледнела на глазах, пошатываясь, словно в бреду. «Еще упадет... – сочувственно подумал полковник. – Господи, какой я дурак. Такая женщина, а я будто в своем юнкерском прошлом. Что со мною? Как странно, право...» Подхватил податливое тело и сразу почувствовал, как благодарно оперлась Кло на его руку.

– Меня зовут Базиль, – легко провел ладонью по ее волосам. – В храме был спертый воздух... (О боже, я схожу с ума! Мы ведь давно идем по улице!)

– О нет... – взглянула исподлобья. – Это у меня теснит в груди. Твои прикосновения волнуют меня. Здесь лифт, скорее, скорее, прошу!

– Только... не здесь, умоляю! – вырвалось у него горячо и искренне, еще не хватало, чтобы кто-нибудь из жильцов вышел к лифту в насмешку, назло и все увидел. Здесь не Москва – подымут скандал, идиоты, и Васей звали... Но сопротивляться ее порыву было трудно, невозможно даже.

– Я заперла... входную... дверь... – почти хрипела, срывая с него пиджак, рубашку, галстук. – Это мой... дом... Мой... Здесь... никого!

«Какое счастье... – пронеслось в голове. – А с другой стороны, в лифте? Я даже не читал о таком...»

Впрочем, отдаваться посторонним мыслям он уже не мог, так как вдруг обнаружил, что, кроме ботинок и носков, на нем ничего нет. Кло оставалась в черных чулках (ч-черт ее, как это они держатся без резинок?) и модных туфлях на толстой платформе и неправдоподобно массивных, больших каблуках. «Устойчивее будет», – подумал безразлично, чувствуя, что, пожалуй, в первый раз в жизни входит в такой бурный поток, каким управлять невозможно. Открыл глаза (оказывается, и глаза у него были закрыты, вот это номер!), но в тесноте зеркал и красного дерева в первое мгновение рассмотреть ничего не смог. Клотильда стонала с подвывом, примешивая к утробным звукам еще что-то, – наверное, очень древнее, зародившееся в эротике джунглей.

– По-до-ж-ди... – выдавливал из себя, уже не владея собой, – ну подожди же... – Слова вырывались сами по себе, отдельно от его воли и рассудка, он больше не управлял ни собой, ни процессом.

– Сейчас... сейчас... – вторила она хрипло, ввинчиваясь в него словно степной смерч (видел однажды в мальчужковом возрасте и теперь сопоставил, не отдавая, впрочем, себе отчета в этом сопоставлении). – По... подвинься, милый... Вот так... Еще чуть-чуть... О, какой же ты неловкий! Но... Ах... Это такая... такая невероятная... неловкость. Повтори ее! Повтори немедленно! (Что он, несчастный, помраченный, мог «повторить»? Это только она одна сейчас знала...)

Скосил глаза (случайно, воли у него не было, все его движения были отныне рефлекторными) и увидел отражение в зеркале. О, что он увидел... Этому не было ни слов, ни эмоций, этого нельзя было объяснить, все книги по эротике, все старинные гравюры и примитивные открытки для лицеистов и гимназистов прошлого меркли и исчезали в той буре восторга, которая открылась сейчас в этой мерцающей бездне.

Крик (или вопль?) исторгло его горло, он захрипел, уже ничего не соображая и погружаясь в то, что однажды уже описал великий писатель, и не один, не один! «Об этом наш рассказ, русский!» Охватила гордость, она всегда присутствовала в нем и сейчас оставалась – пусть где-то на самом дне, по разве это имеет значение?

– Как... у... Цвейга... – стонала, выплевывая слова совсем не ко времени, но он понимал, понимал, черт возьми, о чем она говорит!

– И... у... Толстого... – отвечал, едва ворочая языком. – У... Алексея... Николаевича...

– Да! Да! Какая эрудиция... Ты... ты только взгляни! – сделала движение, их тела переместились в замкнутом пространстве, образовав некий мистический знак. – Смотри! Смотри! – уже исходила последним криком, и, вторя ей, он выбросил из глубины своего естества нечто первобытное и страшное. Несколько мгновений она стояла на кончиках пальцев, словно балерина, вдруг поменявшаяся амплуа с партнером, удерживая в себе его невероятную тяжесть, потом мягко спустилась на пол, отпуская.

Он молча и бессильно приник к стене, чувствуя, как тяжелый сон наваливается, проглатывая без остатка...

Очнулся, за окном плыли сумерки, далекий городской шум проникал сквозь стекла едва слышно.

– Ты спал четыре часа! И я привела тебя в комнаты, я сумела! – гордо сообщила Клотильда, придвигая к его креслу столик на колесиках. – Кофе, бутерброды с русской икрой, беже... Не стесняйся, тебе необходимо.

Он набросился на еду так, словно не ел неделю или больше.

– Что? Что это было? – вопрошал возбужденно, стремительно проталкивая в пищевод вкусные бутерброды. – Я потрясен!

– Я тоже, – кивнула с улыбкой. – Поверь: я никогда не испытывала ничего подобного! Никогда... – повторила задумчиво, пристально вглядываясь в его побледневшее лицо. «Боже мой, боже мой... – неслось в голове полковника. – Она, пожалуй, втюрилась не на шутку... Могут возникнуть сложности».

– Знаешь, – проговорил весело, – ты превратила меня в ничто! Мне потребуется неделя, чтобы прийти в себя!

– Может быть... – произнесла все так же задумчиво. – Знаешь что? Нам не надо расставаться. Дом огромный, я живу совершенно одна, так что все очень даже прекрасно! Ну, как моя идея?

– Изумительна! – воскликнул так искренне, как только был способен. – Я только улажу кое-какие свои дела...

– Ты оставишь телефон? По которому я найду тебя, если ты вдруг задержишься? – Сквозь щелочки век стрельнули сузившиеся зрачки, непонятно было – шутит она или... угрожает? Но почему, почему?

Эти мысли неслись стремительно, подобно эскадрилье реактивных истребителей. Ответить просто так, отмахнуться нельзя было, он это чувствовал, но тогда что сказать, что? Какой телефон? Случай, вовсе не предусмотренный инструкциями. Рискнуть и кроме аптеки дать холостяцкую? На это требуется санкция высокого руководства и, значит, время, а вот его как раз и не было, он ощущал это, медленно сникая под ее пристальным взглядом. А-а, была не была...

– Записывай, – и продиктовал два телефона: служебный и аптечный. В конце концов, деньги есть, если что – можно снять или даже купить другую, не худшую служебную квартиру. Однако она вцепилась...

Где-то в самом неприметном уголке души тлея едва осознанная мыслишка: а что? Такая женщина... Да пусть она трижды не нужна по делу, зато какой восторг! Упоение какое... Да ведь и кто знает? А если? А вдруг? Что-нибудь и проклянется? Не гнать лошадей, не гнать лошадей, не исходить предчувствиями. Опасности и прочего, неприятного...

– Сыт, мой дорогой? – проворковала, усаживаясь рядом, на банкетку. – Ты упомянул о своем эмигрантском происхождении... Знаешь, знак судьбы – он ведь непреложен, понимаешь? Сейчас объясню...

И она рассказала – подробно и с такими удивительными деталями, что Абашидзе едва сдерживался, чтобы не выплеснуть удивление и восторг. Но лица терять никак нельзя было...

А из рассказа следовало, что ее прадед со стороны матери, французский офицер Шарль ле Руа (он не был королем и к королевской фамилии не имел никакого отношения, – объяснила, поймав его удивленный взгляд) был офицером связи в штабе Верховного главнокомандующего русской армии во время Первой мировой войны или наблюдателем от французского Генштаба, кто их там разберет, и жил в Могилеве, при русской Ставке...

– А ты знаешь, кто был Верховным? Тогда, в той России?

Он знал и, скорее по привычке, выработанной годами секретной службы, нежели по интуиции, ответил с вопросом в голосе:

– Наверное, Бруцилов какой-нибудь? Честно говоря, я не слишком хорошо знаю этот период исторической родины... Неприятие большевистской революции было у меня столь велико, что я отторг Россию в целом! Даже императорскую власть – ведь она, именно она стала источником всех бед России!

– И тебе нисколько не жаль государя? Ты не сочувствуешь трагической судьбе Фамилии и лучших людей России? – В голосе прозвучал упрек.

– О нет, сочувствую, конечно! Я только хотел сказать, что вырос в другое время и не очень интересовался! («Пять, полковник, только пять, и никак не меньше! – похвалил себя. – Пустой межпостельный разговор – и все равно, все равно!») О том, что она из банка, что искомое – царское золото, билось в голове (а как же!) тоненько, но звонко!

Она продолжала рассказывать. Ле Руа постоянно бывал в штабе, был знаком с Деникиным («Знаешь, кто это?» – «Знаю! – отвечал радостно. – Какой-то русский генерал!»). Назревала трагедия: царь вмешивался во все, хотя военным дарованием не обладал, в тылу зрела революция...

– А как ты относишься к русской революции? – Ответа ждала с трепетом, это увидел. Разве можно было ее разочаровать?

– Не знаю... – замялся. – Я ведь третье поколение, понимаешь? Их дела никак меня не задевают и не задевали никогда. А тебя, я вижу, волнует это все?

– Еще как! Ведь Шарль дружил с генералом Духониным, последним руководителем Ставки! В начале зимы семнадцатого года Ставку ликвидировали, в Могилев приехал прапорщик Крыленко...

Он смотрел на нее потрясенно, он чувствовал себя замороженным. Как? Здесь, в Женеве? В конце XX века какая-то квартиронка из банка знает русскую новейшую историю лучше, чем он, выпускник Высшей школы госбезопасности, которому преподавали лучшие люди страны! Это было непостижимо.

Но как страшно все было, как страшно... Об этом думал искренне с волнением, таких подробностей не знал и даже не подозревал об их существовании...

Матросы явились в штабной вагон, вытащили генерала на открытую площадку в конце вагона, начали избивать.

– Но этот... как его? Который приехал? Этот посланец Ульянова? (Фамилию произнес на эмигрантский лад совершенно машинально. Учили все-таки...)

– Уничтожение Духонина входило в планы Крыленко. Я думаю, таково было распоряжение Ленина... – Клотильда произносила эту фамилию по-советски. – Они раздели генерала догола, убили многими выстрелами и сабельными ударами, труп заморозили и поставили стоймя на площадке... С папироской во рту. А собаку генерала тоже убили и бросили рядом... Когда мой прадед рассказывал об этом (он ведь все видел, все!), у него тряслись руки и глохнул, исчезал голос. А ты что думаешь?

Он ничего не думал. Во-первых, если это было правдой, то случилось слишком давно, чтобы переживать и мучиться. Во-вторых...

– А зачем ты мне все это рассказываешь? Странно... Такой хороший вечер – и такие гнусные, прости, воспоминания... Зачем, Кло?

– Знаешь, – начала печально, – когда я выхожу из подъезда своего банка, я всегда смотрю на струю фонтана... («Вот! – подумал полковник – Вот! Я не ошибся! Продолжай, голубка, продолжай!») И думаю: вода так мощно взмывает вверх, она так едина, так сильна... И вдруг осыпается мелкими, ни на что не годными брызгами... Не так ли и мы, люди? Как ты считаешь, Базиль?

– Не знаю... Не знаю... – проговорил растерянно. Эх куда ее развернуло! Что за мысли, право... – Кло, ну какая разница? Зачем тебе эта странная философия, если мы рядом? Если мы нашли друг друга! Как хочешь, в те мгновения я прожил всю свою жизнь и еще две! Я был счастлив! А ты мне рассказываешь о каких-то большевистских генералах, убийствах... Зачем? Ответь.

– Не знаю... – взглянула странно. – Не знаю... Просто так, наверное. Ты обиделся?

– Нет. Просто не очень понял. Ты позвонишь мне?

– Возможно...

Простились у дверей, словно сквознячок прошелестел и остудил. Она с улыбкой подставила губы, он поцеловал и попытался сделать грустными глаза. Но не получилось...

В центр он отправил подробнейшее донесение. Все, что случилось с ним и Кло, было расписано по минутам и секундам. Ну, разве что, щадя молодые нервы шифровальщиков и старческие – руководства, описание процесса любви свел к обозначению ее простых и естественных знаков: букеты цветов, поцелуи, обещание жениться. Это не возбранялось.

Ответ последовал незамедлительно, его нужно было получить от курьера, прибывшего в ООН, – в Женеве располагался целый комплекс зданий этой организации.

Шел пешком, благо недалеко было, современные дома с обилием стекла и металла высились на зеленом взгорке, ближе к окраине. На площади увидел человек десять китайцев. Они держали плакаты с надписями, осуждающими коммунистов за расстрел студенческой демонстрации. Заметив Абашидзе, один подскочил с улыбками и попросил расписаться на опросном листе. Текст, естественно, круто ругал наследников Мао и пророчил гибель Китайского государства под властью маоистов. Прочитав, Абашидзе размашисто поставил свою подпись – мог бы и вымышленную, но что-то помешало это сделать. Голос внутренний, что ли...

В ООН у него был постоянный пропуск – там работал его стационарный аптечный киоск. Курьер уже ждал, внимательно рассматривая коробочку с лекарством и вчитываясь в аннотацию. «Это поможет от почечной колики?» – назвал пароль, и полковник мгновенно отозвался: «Разумеется, вы держите в руках самое лучшее лекарство!»

Дома, развернув упаковку, извлек «Историю южно-американских индейцев», вспорол корешок, там лежала микроплёнка. Заправив ее под сильное увеличительное стекло, включил свет и прочитал: «Мы получили ваше сообщение. В целом одобряем план и принятые по нему меры. Настойчивость объекта в связи с процессами советской истории настораживает, но про-

верка подтвердила наличие в ставке Духонина Шарля ле Руа, офицера связи французского Генерального штаба. Ни в коем случае не форсируйте события. Если объект имеет отношение к искомому, это проявится как бы само собой. Желаем успеха». Кодированная подпись принадлежала руководителю Управления «С».

«Но это уже проявилось... – размышлял, вышагивая по комнате – уже не служебной, но своей собственной квартиры при аптеке. – Ведь так не бывает: я ищу следы вклада царской семьи, знакомлюсь с женщиной из банка, и – на тебе: она на блюдечке с какой-то там каемочкой... Это подстава. Мне эту суку подставили, а я увлекся коитусом и ничегошеньки не понял. Идиоты... Вы ведь тоже ничего не поняли...» И вдруг мелькнула мыслишка – гнусная, подозрительная, попросту гадкая. Да все они поняли, все. У них ситуация безвыходная. Им надо представить самому высокому руководству самый что ни на есть благополучный отчет: реальную перспективу получения денег, а еще лучше – сами деньги, наличкой, как это называют в финчасти при выдаче зарплаты. Вот сволочи... Вот мерзавцы... Они готовы спалить без пощады самого ценного работника в стране пребывания и, кто знает, может быть, во всей Системе, лишь бы улажить старцев в Кремле...

Это было что-то совсем новенькое. Так он никогда не думал о руководстве страны, о своих непосредственных и прямых начальниках. «Она, эта панельная девка, сглазила меня, вот в чем дело...» – тихо произнес вслух. Ч-черт... Но ведь правда в том, что не была она панельной... Тонкая штучка, и, увы, все очень похоже на вторжение швейцарцев. Но, с другой стороны, контроперация контрразведки – это свидетельство осведомленности минимум о двух моментах. Первый: разведчик должен быть засвечен. В этом случае применяют «наружку» и литерное обслуживание. Если же контрразведка знает о том, что объект получил шифровку или иное сообщение, атака может быть усилена, и можно попытаться подставить «тело», например. Но о какой засветке идет речь, если постоянные проверки всех без исключения помещений прослушки, визуального вторжения или физического проникновения не обнаружили? Ведь применял ведомственную электронную разработку, за которую Оперативно-техническое управление Государственную премию получило! Не может того стать, чтобы Запад в этом деле опередил родных технарей на две головы? Не бывает такого! Наблюдения за собой не обнаружил ни разу. Два года назад, при въезде, ни малейших сомнений, никакого ощущения опасности не возникло. И наконец, каким святым духом могли узнать они о задании, о конкретике? Это же очевидная ересь! И все это в сумме означает только одно: по-вез-ло! И больше ничего! Мистика, да, но факт остается фактом: он мгновенно, будто по велению какой-то высшей силы, вышел на нужного человека по всем параметрам, вот в чем дело! Причастна к банку – раз. Занимает далеко не последнее место – ведь богата, независима, вряд ли ей понадобилось прозябать в девочках на побегушках. К тому же, в прошлом, родственными связями причастна к тем самым российским делам, о которых печется и Москва! Можно предположить, что эта ее причастность сделала для руководства банка ее кандидатуру наиболее предпочтительной, – скажем, в делах управления романовским вкладом. Это очень, ну просто очень вероятно, и дай бог эту вероятность проявить и использовать.

Итак, встречи следует продолжить. Подождать, пока она, сгорая от нетерпения, позвонит? Нет, нет и нет! Позвонить самому, и немедленно! Это разгоревшееся пламя надобно поддерживать и лелеять. Трепетность! Нежность! Чувства высшего качества! Зачем ей, пресыщенной любовными утехами, болван? Она открыла в нем бездну, полную звезд! Увеличим их количество, раздвинем небо до необъятных пределов, пусть парит пташечка, не зная усталости и печали...

Над городом бездонно мерцала ночная чаша, благостная, умиротворенная, добрая. Наверное, под этим звездным сводом лежала земля и жили люди со своими неизбывными про-

блемами и заботами, огорчениями и неурядицами, здесь все было точно так же, как и в остальном мире. В остальном – кроме родины любимой, может быть...

Впервые Абашидзе задумался об этом еще в Париже, когда пересаживался на марсельский скорый, который должен был умчать к месту постоянной службы. Сорбонна, студенческий безудержный шум и гам, пирушки с легкими женщинами, строгие профессора, которые на все закрывали глаза. На все, кроме будущей профессии. Здесь строгость не имела границ, потому что из стен этого заведения выходили образованные люди. Неучей хватало везде... Он сроднился с Латинским кварталом, со средневековой строгой традицией и вдруг понял, что жизнь состоит не из одних заданий и их исполнения, призывов к труду и любви к родному советскому правительству. Здесь никто никого и никуда не призывал (разве что зазывали, но это было сиюминутно), однако люди сознавали себя и грызли гранит науки, не осложненной «светлым будущим». А родина требовала образцовой учебы, скромности, веры в идеалы 25 Октября, она отрицала неразборчивые связи, но настаивала на обретении таковых в престижных деловых кругах, среди чиновничества, в мире художников и артистов. Человек здесь должен стать другим, хорошо, что они там понимали это и не требовали, как маоисты, например, постоянного хождения в посольство, встреч с идеологами, они как бы мирились с тем, что человек Системы временно подпал под влияние и веяние капиталистической бездны. Временно, потому что ни один практически нелегал не оставался на своем посту слишком долго. Приходилось переезжать и возвращаться к родимым берегам при первой, пусть самой призрачной, опасности. Пока таких опасностей у него не возникало, слава труду...

«Я дал ей телефон аптеки и забыл сказать, что я – фармацевт... – подумал, снимая трубку телефона. – Ничего. Это не страшно». Набрал помер и сразу услышал низкий грудной голос: «Да?» – «Кло, это я...» – «Как хорошо, что ты догадался позвонить! – обрадовалась, как девочка. – Я так ждала... Ты и представить себе не можешь, как я ждала!» – «Звонка?» – пошутил слегка скабрёзно. Ничего. Женщины это любят. Такая скабрёзность все и сразу ставит на свои места. «Противный, – отозвалась, имитируя обиду. – О чем ты только думаешь...» – «О чем я могу думать, когда разговариваю с тобой? О философии экзистенциализма, вероятно?» – «Не трепи мне нервы. Я неважно себя чувствую...» Что ж, вот он и повод: «Кло, я забыл тебе сказать – я же фармацевт! – прокричал так, словно сообщал о том, что пожалован высшим знаком отличия республики. – Ты что принимаешь? Недомогание, сердце, голова? Что у тебя?» – «У меня... – протянула. – У меня – ты! Главное недомогание...» – «Ну эта болезнь не к смерти... – проворковал. – Она лечится легко и просто». – «Так приходи и вылечи!»

...Уже через десять минут он входил в знакомый подъезд. Теперь можно было и приглядеться. Конечно, невероятная для русского глаза чистота. Каменные плиты пола такого возраста, что заходится сердце. Какая умница, какой вкус: она их оставила как память, принцип. О, какая женщина, какая женщина... А лифт? Он ведь сделан по индивидуальному проекту. Разве серийная машина поместилась бы в этот зияющий провал XVII века? А лестница... Основа прежняя, только истертые ступени она велела заменить. Они точно из такого же мрамора, какой и прежде был, – вон сохранилась последняя ступенька марша. А перила? Этому матерому дубу – столетия. Какой цельный ансамбль, какой безупречный вкус...

Она уже ждала у дверей и, когда он вышел из лифта, повисла у него на шее, дрыгая ногами.

– О мой сюрприз, – кричала в голос. – О подарок судьбы!

– Тише, – пытался унять поцелуями, но она разошлась еще больше:

– Я люблю! И значит – я живу! – исходила криком. – Так поет ваш шансонье, и он трижды прав!

Вошли в прихожую, справа зияла раскрытая дверь и длинные вешалки со множеством верхней одежды. Перехватив его взгляд, она рассмеялась:

– Эти старые дома всегда вызывают странный восторг. Можно подумать, что наши предки жили лучше, интереснее нас...

– А что? – спросил с грустинкой в глазах. – Ты права. Помнишь? «Она ж, припав к его устам, ему промолвила: «Я вам отдать поистине хотела б в награду душу всю и тело, ведь я же знаю, что узда в мои бы руки никогда через другого не попала, и рыцарских голов немало торчит на палках над водой...»

– Эти стихи родились вместе с моим домом! – произнесла, ошеломленная то ли совпадением, то ли его познаниями.

– Это на четыреста лет раньше, дорогая. Пайен де Мезьер, начало восемнадцатого века, куртуазный роман... Ты не читала его, но ты угадала: тогда жили лучше и интереснее («На тебе, девушка, это вкусно, скушай и сойди с ума окончательно и бесповоротно»).

Взглянула странно:

– «И рыцарских голов немало торчит на палках»... Жестокое время.

Усмехнулся, взял ее за руку:

– Жестокость нашего времени абсолютна, Кло. И потому должны мы сами свое имущество хранить. У нас с тобой только одно достояние...

Обнял, она не сопротивлялась и позволила отнести себя на широкий диван.

«Вот это нам как-то привычней»... – подумал, осторожно снимая с нее платье, белье, чулки.

– Тебе не нравится, когда я полуодета? – спросила удивленно.

– Кло, ведь полуодетость – добавочный элемент возбуждения. Мне же достаточно твоего прекрасного тела...

Оно и в самом деле было прекрасным. Тонкая талия, выраженный, но не гипертрофированный зад, умеренная грудь без признака силиконового воздействия, длинная, красиво изогнутая шея, покатые плечи... Если бы все происходило в России, непременно сказал бы: лебедь белая...

– Поверни меня... – потребовала. – Это простонародный способ, но тебе понравится.

Еще бы! О юнкерские времена, о крики: «Ноги делаем так!» Кто бы мог представить, как мы «делаем» эти ноги...

И началось упоительное, непередаваемое, восторженное и бесконечное. Кло извивалась, вытанцовывая немыслимый, невозможный танец, слова, которые слетали с ее губ, казались удивительными, хотя постороннему, если бы он оказался за стеной, например, все озвученное показалось бы более чем странным:

– Не отпускай меня... Нет... Это я тебя не должна отпустить... Не должна... Я знаю: стоит всего лишь раз ошибиться и... Волшебство исчезнет! Навсегда! Боже, как удивительно! Ты облачаешь таким... таким... – Каким «таким», она не уточняла, но полковник прекрасно понимал, что именно она имеет в виду, и это возбуждало куда как больше, нежели прежняя полуодетость. Он уже не чаял занавеса, последним усилием воли удерживая в руке шнур, за который этот занавес тянут. Еще мгновение, еще... Нет, это невозможно, первый раз в жизни именно он потянет за этот шнур, хотя все предыдущие годы его тянули нежные женские руки, исходя великим криком удовлетворения и счастья. Неужели? Неужели на этот раз все произойдет иначе?.. Но в ту, последнюю долю секунды, когда он уже примирился со своим поражением, она вздрогнула, отяжелела и выбросила поток спутавшихся друг с другом слов, смысла которых он не понял, да и не старался, потому что свершилось. В две тысячи пятнадцатый раз (он считал свои победы, он вел им самый строгий учет) он оказался на высоте, и на какой... Ее можно было сравнить разве что с недалеким от этих мест Монбланом.

Он остался на диване, она бессильно распласталась на ковре, у его ног, ее подрагивающее тело все еще вызывало желание. Но сил – их больше не было.

– За все, за все тебя благодарю я! – проговорил так, будто только что сам сочинил, или вырвалось из глубины сердца, быть может... – «Восторг любви нас ждет с тобою! – запел по-русски. – Не покидай, не покидай...»

Она поняла.

– Какой красивый романс... – сказала, уже приходя в себя. – Наверное, русские – очень романтичный, светлый народ?

– Несомненно, – отвечал бодро и уверенно. Незачем лить помой на собственный народ, пусть он и заслуживает этого. Тем более что, кто ее знает... жизнь и руководство, инструкции опять же учат, что всякое может случиться. Она не должна думать, что он являет собою классического Ивана, не помнящего родства. Это неблагородно даже для самого отъявленного антисоветчика, тем более – из бывших.

– И я так думаю... – кивнула. – Хотя то, что случилось много лет назад в России, печалит, не правда ли?

– Что ж... Ты права, печалит, вызывает гнев и неприятие. Но вправе ли мы винить в случившемся весь народ? Помнится, Пушкин – ты ведь знаешь, кто такой Пушкин? – так вот он утверждал, что и один человек есть весь народ!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.